

Джон Уильям ПОЛИДОРИ

ВАМПИР

Однажды, в пору зимних увеселений, в лондонских кругах законодателей моды появился дворянин, примечательный своей странностью более даже, чем знатностью рода. На окружающее веселье он взирал так, как если бы сам не мог разделять его. Несомненно, легкомысленный смех красавиц привлекал его внимание лишь потому, что он мог одним взглядом заставить его умолкнуть, вселив страх в сердца, где только что царил беспечность. Те, кому довелось испытать это жуткое чувство, не могли объяснить, откуда оно происходит: иные приписывали это мертвенному взгляду его серых глаз, который падал на лицо собеседника, не проникая в душу и не постигая сокровенных движений сердца, но давил свинцовой тяжестью. Благодаря своей необычности дворянин стал желанным гостем в каждом доме; все хотели его видеть, и те, кто уже пресытился сильными ощущениями и теперь был мучим скукою, радовались поводу вновь разжечь свое любопытство. Несмотря на мертвенную бледность, его лицо, никогда не розовевшее от смущения и не разгоравшееся от движения страстей, было весьма привлекательным, и многие охотницы за скандальной славой всячески старались обратить на себя его внимание и добиться хоть каких-нибудь знаков того, что напоминало бы нежную страсть. Леди Мерсер, от которой не

ускользнул ни один чудака, сколько бы их ни появлялось в гостиных со времен ее замужества, воспользовалась случаем и разве что не облачилась в шутовской наряд, дабы оказаться замеченной им, однако все было напрасно. Он смотрел на нее, когда она стояла прямо перед ним, но взор его оставался непроницаем. Даже ее беспримечное бесстыдство было посрамлено, и ей пришлось покинуть поле битвы. Но хотя распутницам не удавалось даже привлечь к себе его взгляд, этот человек вовсе не был равнодушен к женскому полу. Однако с добродетельными женщинами и невинными дочерьми он знакомился, выказывая величайшую осмотрительность, и потому его редко заставляли беседующим с дамой. Он имел репутацию очаровательного собеседника, и то ли красноречие скрадывало угрюмость его нрава, то ли его подчеркнутая неприязнь к пороку трогала женские сердца, но женщины, славившиеся своей добродетелью, разделяли его общество столь же охотно, как и те, кто успел запятнать свое имя.

Приблизительно в то же время в Лондон приехал молодой аристократ по имени Обри. Родители его умерли, когда он был ребенком, завещав ему и сестре большое состояние. Опекуны, заботившиеся лишь об имуществе детей, предоставили юношу самому себе, поручив воспитание его ума своекорыстным наставникам, и потому Обри развил свое воображение более, нежели умение судить о вещах. Соответственно, он обладал тем романтическим чувством чести и искренности, которое ежедневно губит не одну ученицу модистки. Он верил, что добродетель торжествует, а порок Провидение допускает ради живописности, как это бывает в романах; он полагал, что платье бедняка такое же теплое, как платье богача, но скорее привлекает взор художника обилием складок

и цветистостью заплат. Словом, поэтические мечтания он принимал за реальную действительность. Стоило только милovidному, простодушному и вдобавок богатому юноше войти в блестящее общество, как его тут же окружили маменьки, которые принялись неустанно расхваливать своих томных или резвых любимиц, соревнуясь в преувеличениях. Лица дочерей при виде его загорались радостью, и стоило лишь ему заговорить, как глаза их светились счастьем, что внушило Обри ложное представление о собственном уме и талантах.

В романтические часы своего уединения Обри с удивлением обнаружил, что сальные и восковые свечи мерцают не по причине присутствия некоего духа, но оттого, что он забывает снять с них нагар; реальная жизнь не соответствовала сонму приятных картин, воссоздаваемых в тех многочисленных томах, из коих он почерпнул свое образование. Найдя, впрочем, некоторое удовлетворение в светской суете, юноша готов был уже отказаться от своих грез, когда ему встретилась необыкновенная личность, о которой говорилось выше.

Обри наблюдал за ним; однако невозможно было без взаимного общения постичь характер человека, столь замкнутого в самом себе, что значение для него окружающих предметов сводилось лишь к молчаливому признанию их существования. Позволяя воображению рисовать каждую вещь так, чтобы это льстило его склонности к экстравагантным вымыслам, юноша вскоре сделал из объекта своих наблюдений героя романа и продолжал наблюдать более поросль своей фантазии, чем находившуюся перед ним реальную личность. Обри постарался завязать с ним знакомство и уделял ему столь много внимания, что вскоре оказался замечен и признан. Постепенно юноша

узнал, что дела лорда Рутвена расстроены, и по приготовлениям на ***-стрит обнаружил, что тот собирается отправиться в путешествие. Желая узнать поближе эту одинокую душу, которая до сего момента только подстегивала его любопытство, Обри дал понять своим опекунам, что для него настало время совершить поездку в дальние страны, которая — поколение за поколением — считается важной, так как позволяет юноше сделать решительные шаги на стезе порока и, став наравне со взрослыми, не выглядеть так, будто они свалились с неба, когда скандальные похождения упоминаются как предмет шутки или похвалы, в соответствии со степенью проявленного здесь искусства. Опекуны согласились, Обри немедленно уведомил о своем решении лорда Рутвена и был весьма удивлен, получив приглашение присоединиться. Польщенный этим знаком расположения со стороны человека, который очевидно не был подобен другим людям, Обри с радостью принял предложение, и через несколько дней они пересекли воды пролива.

До этого Обри не имел возможности изучать характер лорда Рутвена, и теперь он нашел, что многие поступки лорда, представшие его взору, позволяют сделать различные выводы из вроде бы очевидных мотивов его поведения. Щедрость его спутника была беспредельной; являвшиеся к нему лентяи, бродяги, нищие получали подаяние, которое значительно превосходило их сиюминутные нужды. Однако Обри не мог не заметить, что милосердие лорда не распространялось на попавших в беду добродетельных людей (ибо и добродетель может быть подвержена превратностям судьбы). Таковые отсылались прочь с плохо скрываемой насмешкой. Но если какой-нибудь мот приходил просить подаяния для удовлетворения не насущных нужд, но своей страсти или чтобы еще глуб-

же погрузиться в бездну порока, то его награждали с безграничной щедростью. Обри, впрочем, отнес это за счет того, что разврату присуще обычно самое низменное упрямство, тогда как находящейся в нужде добродетели всегда сопутствует стыдливость. Было одно обстоятельство в щедрости его светлости, которое все более и более впечатляло Обри: все, кого он облагодетельствовал, со временем обнаруживали, что на его дарах лежит некое проклятие; несчастные либо оказывались на эшафоте, либо впадали в еще более беспросветную и унижительную нищету. В Брюсселе и других городах, через которые они проезжали, Обри поражался страстности, с которой его спутник искал средоточия всевозможных модных пороков. Донельзя воодушевленный, он подходил к игорному столу, делал ставки и всегда оказывался в большом выигрыше, если только его соперником не был какой-нибудь известный шулер. В этом случае лорд терял более, чем выигрывал, но всегда с неизменным равнодушием, с каким он вообще смотрел на окружавшее его общество. Иначе было, когда ему противостоял неоперившийся юноша или незадачливый отец многочисленного семейства; тут каждое желание лорда, казалось, становилось законом для фортуны, его всегдашняя небрежная рассеянность исчезала, и в глазах загорались хищные огоньки, как у кошки, играющей с полузадушенной мышью. В каждом городе он оставлял разоренного молодого богача, проклинавшего в тюремном одиночестве судьбу, которая свела его с этим демоном, тогда как многие отцы сидели, безумев, под безмолвными, но красноречивыми взглядами своих голодных чад; от былой роскоши у них не оставалось ни фартинга, чтобы купить даже самое необходимое. От игорного стола он не брал ничего, но тут же проигрывал свои деньги разорителю многих,

причем последний золотой мог быть вырван из судорожно сжатых пальцев неискушенного: возможно, это было результатом некоторых познаний, уступавших, однако, ухищрениям более опытных игроков. Обри часто испытывал желание объяснить это своему другу и убедить его отказаться от щедрости и развлечений, что приводят к крушению всего и не служат к его собственной выгоде. День за днем юноша откладывал этот разговор, надеясь, что друг предоставит ему возможность для открытой, честной беседы, но, к сожалению, этого не происходило. Лорд Рутвен, находился ли он в своей карете или совершал прогулку по живописным диким местам, всегда оставался неизменен: глаза его говорили еще менее, чем губы, и хотя Обри постоянно пребывал вблизи предмета своего любопытства, он так и не смог найти удовлетворительную разгадку; его волнение лишь возрастало от тщетных попыток проникнуть в тайну, которая начала представляться его пылкому воображению чем-то сверхъестественным.

Вскоре они прибыли в Рим, и Обри на время потерял своего спутника из виду: лорд ежедневно посещал утренние собрания у одной итальянской графини, а Обри блуждал в поисках достопримечательностей другого, почти исчезнувшего города. Пока он предавался этим занятиям, пришли некоторые письма из Англии, которые он распечатал со страстным нетерпением. Первое было от его сестры и дышало любовью, другие — от опекунов, и, прочтя их, Обри ужаснулся. Прежде его уже посещали мысли, что лорд Рутвен одержим некой злой силой, письма же представляли вполне убедительные тому доказательства. Опекуны требовали, чтобы юноша немедленно расстался со своим другом, и утверждали, что характер последнего ужасно порочен, что его развращающему влия-

нию невозможно противостоять и именно это делает его необузданные склонности чрезвычайно опасными для общества. Было обнаружено, что его видимое презрение к распутнице происходило не из ненависти к ее характеру, но что подлинное удовольствие он получал лишь тогда, когда его жертва и соучастница во грехе бывала свергнута с высот незапятнанной непорочности вниз, в глубочайшую пропасть беславия и разврата. Все женщины, которых он добивался, очевидно стоявшие на вершине своей добродетели, после его отъезда сбросили маски и не постыдились выставить на всеобщее обозрение всю омерзительность своих пороков.

Обри решил порвать с человеком, в чьем нравственном облике не было ни одной привлекательной черты. Желая сыскать к тому благовидный предлог, Обри еще теснее сблизился со своим спутником и продолжил наблюдать за ним, не упуская ни одного, даже мимолетного, штриха. Он стал посещать дом графини и вскоре заметил, что лорд намеревается воспользоваться неопытностью ее дочери. В Италии редко встретишь в светских кругах молодую девушку, и потому лорд вынашивал свои замыслы в строжайшей тайне. Но Обри удалось разгадать его уловки, и вскоре он узнал, что назначено свидание, которое почти наверняка погубит невинную, хотя и легкомысленную девушку. Обри поспешил к лорду и без обиняков расспросил его о намерениях относительно юной графини, не скрывая, что знает о свидании, назначенном как раз в предстоящую ночь. Лорд Рутвен ответил, что его намерения таковы, каковы и должны быть при подобных обстоятельствах. Обри поинтересовался, не предполагает ли его светлость жениться на девушке. Вместо ответа лорд расхохотался. Вернувшись к себе, Обри письменно уведомил лорда, что остаток

путешествия им придется совершить порознь. Велев слуге подыскать новое пристанище, он поехал к матери девушки и сообщил ей все, что знал о взаимоотношениях между ее дочерью и лордом Рутвенем, и обрисовал ей характер его светлости в целом. Свидание было предотвращено. На следующий день лорд Рутвен через слугу передал, что против отъезда Обри возражений не имеет, однако никак не намекнул, что догадывается о том, кто разрушил его замыслы.

Из Рима Обри отправился в Грецию и, пересекши полуостров, вскоре прибыл в Афины. Остановившись в доме одного грека, он занялся изучением полуистлевших обломков былой славы, которые, словно стыдясь того, что запечатлели деяния свободных людей перед рабами, спрятались под слоем пыли и разноцветных лишайников. В том же доме жила молодая девушка, чья утонченная красота могла бы послужить образцом для художника, вознамерившегося запечатлеть на холсте воздаяние, обещанное правоверным в магометанском раю, если бы не ее выразительные глаза, которые выдавали в ней создание, имеющее душу. Танцевала ли девушка на равнине, ступала ли на горный склон — она, несомненно, была много прекрасней газели, ибо кто променял бы эти глаза — глаза одухотворенной природы — на сонный, сладострастный взгляд животного, который по вкусу лишь эпикурейцу? Ианфа легкой поступью часто сопровождала Обри в его поисках древностей, и он, позабыв о неразгаданных надписях, с восхищением любовался красотой ее форм, когда она, порхая будто сильфида, гонялась за пестрой кашмирской бабочкой. Ее взметнувшиеся локоны то вспыхивали, то гасли, переливаясь под лучами солнца, и вполне можно простить рассеянность антиквара, который забывал о драгоценных табличках, прояснявших тот или иной отрывок из Павсания.

Но к чему пытаться описать чары, которым легко поддается всякий, но которые никто не может постичь? Это были невинность, молодость и красота, не потерявшие своей естественности в переполненных гостиных и душных бальных залах. Пока Обри зарисовывал руины, над набросками которых ему хотелось бы впоследствии проводить часы раздумья, Ианфа стояла рядом, наблюдая, как под его карандашом проступают на бумаге картины родного ей края. Девушка рассказывала ему о хороводах на лугу, вспоминала о свадьбах, которые ей доводилось видеть еще в детстве, живописуя их в сияющих красках юной памяти, а затем обращалась к темам, сильнее всего впечатлившим ее ум, и пересказывала истории о сверхъестественном, которые слышала от няни. Обри поневоле заразился ее искренней верой в эти истории. И часто, когда она рассказывала о живом вампире, который подолгу пребывал в кругу родных и друзей, каждый год вынужденный питаться кровью красивых женщин, чтобы еще на несколько месяцев продлить себе жизнь, Обри холодел от ужаса, хотя и пытался высмеять наивную веру девушки в страшные сказки. Ианфа, возражая, называла имена стариков, которые в конце концов обнаруживали в своем окружении вампира после того, как их родственники и дети были найдены мертвыми с отметиной дьявольского укуса. Она заклинала его поверить, ибо те, кто осмеливался сомневаться в их существовании, всегда получали доказательство и принуждены были с растерзанным горестью сердцем признать это за истину. Девушка подробно описала обычный вид этих чудовищ, и, слушая ее, Обри со все возрастающим ужасом узнавал портрет лорда Рутвена. Он уговаривал Ианфу отбросить пустые страхи, но сам не переставал дивиться многочисленным совпадениям, подтверждав-

шим его догадки о сверхъестественной власти лорда Рутвена.

Обри все сильнее привязывался к Ианфе; ее невинность, столь не похожая на притворную добродетель женщин, среди которых он надеялся найти воплощение своих любовных мечтаний, победила его сердце; и хотя мысль о женитьбе благовоспитанного англичанина на необразованной гречанке казалась ему нелепой, он находил себя все более и более влюбленным в чудесное создание, которое видел перед собой. Иногда он покидал ее на некоторое время и отправлялся на поиски какой-либо антикварной редкости с намерением не возвращаться домой, пока его цель не будет достигнута; однако он всякий раз оказывался неспособным сосредоточиться на окружавших его руинах, поскольку в мыслях своих лелеял облик, уже давно безраздельно владевший им. Ианфа не ведала о его любви и, как и прежде, хранила детскую непосредственность. Она неохотно расставалась с Обри, но лишь потому, что видела в нем спутника, в сопровождении которого могла посещать излюбленные ею окрестности, в то время как он зарисовывал или расчищал обломки, избежавшие всеограждающего действия времени. Девушка не преминула также передать родителям, что Обри не верит рассказам о вампирах. Побледнев от ужаса при одном лишь упоминании об этих существах, родители Ианфы, приводя множество примеров, тщетно старались переубедить его.

Вскоре после этого Обри вознамерился совершить поездку, которая должна была продлиться несколько часов. Когда родители девушки услышали название местности, куда он хотел отправиться, они принялись в один голос умолять его не задерживаться там до позднего вечера, ибо путь пролегал через лес, куда

ни один местный житель не отваживался ступить после захода солнца. Они рассказали, что в лесу этом по ночам устраивают свои оргии вампиры, и горе тому, кто отважится пересечь их тропу. Обри не воспринял всерьез этих предупреждений и постарался высмеять наивную веру в вампиров, но, заметив, какой ужас вызвали у родителей Ианфы его насмешки над сверхъестественными адскими силами, при одном упоминании которых кровь стыла в их жилах, юноша замолчал.

На следующее утро Обри отправился в путь один, без сопровождения; он был удивлен, заметив, сколь унылы лица его хозяев, и понял, что именно его насмешка над их верой в этих ужасных демонов служит тому причиной. Едва он сел в седло, Ианфа подошла к нему и умоляла воротиться прежде, чем наступит ночь и эти злые твари вновь обретут власть. Обри пообещал ей это. Однако он был настолько поглощен своими разысканиями, что не заметил, как приблизился вечер и на горизонте появилось небольшое облачко — одно из тех, которые в странах с жарким климатом стремительно разрастаются в грозовые тучи и яростно проливаются на благодатную землю. Обри вскочил на лошадь, намереваясь стремительной ездой искупить свое промедление, но было уже поздно. В южных странах почти не бывает сумерек: солнце стремительно садится и наступает ночь. Прежде чем Обри успел отъехать на некоторое расстояние, гроза оказалась над ним: гром грохотал непрерывно, мощный ливень обрушился сквозь шатер листвы, зигзаги голубых молний падали и вспыхивали прямо у его ног. Внезапно лошадь испугалась и понеслась стремглав сквозь чащобу. Наконец, изнемогши, она остановилась, и при свете молний Обри заметил утлую лачугу, что едва возвышалась над окружавшими

ее грудями сухих листьев и веток. Спешившись, Обри приблизился к лачуге в надежде, что ее обитатели помогут ему добраться до города или по крайней мере предоставят кров на время грозы. Едва Обри подошел к лачуге, гром на мгновение стих, и юноше почудились ужасающие крики женщины, сопровождаемые глухим торжествующим хохотом, с которым они слились почти нераздельно. Обри вздрогнул, но тут снова загрохотал гром, и с внезапным приливом сил юноша распахнул дверь хижины. Оказавшись в крошечной тьме, он стал продвигаться в ту сторону, откуда слышался шум. Появления его, очевидно, не заметили, ибо, хотя он звал, странные звуки продолжались и на Обри никто не обращал внимания. Наконец Обри наткнулся на невидимого противника и немедленно схватил его; незнакомец воскликнул: «Снова ты на моем пути!» — и громко расхохотался. Обри был сжат с нечеловеческой силой; намереваясь продать свою жизнь как можно дороже, юноша вступил в борьбу, но напрасно: его подняли в воздух и затем сверхъестественно мощным толчком швырнули оземь. Противник бросился на него, сдавил грудь коленом и уже схватил за горло, как вдруг в хижину через окно проник свет множества факелов. Потрясенный незнакомец вскочил, опрометью кинулся к двери, оставив свою жертву лежать на полу, и выбежал наружу. Громкий треск сучьев возвестил о его бегстве, и тут же все стихло. Гроза прекратилась, и люди с факелами расслышали стоны Обри. Они вошли в лачугу, огни осветили закопченные стены и соломенный потолок, покрытый хлопьями сажи. По настоянию Обри люди стали искать женщину, чьи стоны привлекли его во время ночной грозы. Юноша опять оказался во тьме; но каков же был его ужас, когда комната вновь озарилась факелами и он увидел бездыханное тело своей преж-

ней прекрасной спутницы! Обри закрыл глаза, надеясь, что это было всего лишь видение, порожденное его расстроенным воображением, но, взглянув снова, он увидел то же тело, распростертое подле него. Щеки и даже губы Ианфы лишились красок; живость, прежде нерасторжимо свойственная ее чертам, уступила место недвижимому покою. Шея и грудь были залиты кровью, и на горле виднелись следы зубов, прокусивших вену. «Вампир, вампир!» — с ужасом воскликнули все, указывая на отметину. Были сооружены носилки, и Обри поместили рядом с той, которая еще недавно являлась предметом его сладостных мечтаний, ныне развеянных, ибо цветок ее жизни был оборван. Обри не в силах был постичь свои мысли, его разум оцепенел, перестал воспринимать реальность, ища спасения в бездействии. В руке юноша безотчетно стискивал причудливой формы кинжал, найденный в хижине. Вскоре печальная процессия встретила горожан, посланных на поиски Ианфы, чья мать была обеспокоена долгим отсутствием дочери. Когда они достигли города, их горестные восклицания предупредили отца и мать девушки о каком-то ужасном происшествии. Скорбь, охватившая ее родителей, не поддается описанию; однако, осознав причину смерти своего ребенка, они взглянули на Обри и указали на бездыханное тело. Оба были неутешны и умерли, снедаемые горем.

Обри пролежал несколько дней в жару; он часто бредил и звал то лорда Рутвена, то Ианфу; в силу какой-то необъяснимой связи он умолял своего спутника пощадить создание, которое было ему столь дорого. Иногда Обри призывал проклятия на голову Рутвена и обличал его как убийцу Ианфы. Лорду случилось в это время прибыть в Афины; когда он узнал о положении Обри, то, каковы бы ни были его мотивы,

немедленно остановился в том же доме и ни на шаг не отлучался от юноши. Оправившись от лихорадки, Обри с ужасом увидел подле своей постели того, чей облик наводил его на мысли о вампирах; но лорд Рутвен говорил столь добрые слова, почти что раскаиваясь в дурном поступке, приведшем к их разрыву, и столь неустанно заботился о больном, что Обри вынужден был смириться с его присутствием. Его светлость, казалось, совершенно переменялся: от былой апатии, что когда-то поражала Обри, не осталось и следа. Однако, как только юноша пошел на поправку, к лорду постепенно вернулось прежнее умонастроение и разница меж прежним и нынешним лордом Рутвеном исчезла, разве что временами Обри с недоумением ловил на себе его пристальный взгляд, сопровождаемый улыбкой злобного торжества, и не понимал, почему эта улыбка лорда Рутвена так мучительна для него. Пока больной выздоравливал, лорд проводил долгие часы на берегу моря, наблюдая рябь легкого бриза на воде или следя за ходом светил, вращающихся, подобно нашей планете, вокруг недвижимого солнца; для своих прогулок он выбирал наиболее уединенные места.

Рассудок Обри значительно ослаб после пережитого потрясения. Молодой человек, казалось, навсегда утратил бодрость духа. Подобно лорду Рутвену, он искал теперь уединения и тишины. Но возможно ли было сыскать их в Афинах? Когда он посещал древние руины, где часто бывал прежде, ему чудилось, будто Ианфа стоит рядом с ним, когда уходил в леса — Ианфа, казалось, легкой поступью бродила между деревьев, собирая скромные фиалки. Затем его расстроенному воображению она вдруг представлялась бледной, с прокушенным горлом и отрешенной улыбкой на ус-

тах. Несчастный собрался покинуть края, где все вызвало в нем такие горькие воспоминания. Он предложил лорду Рутвену, считая себя обязанным ему за его заботливый уход во время болезни, посетить те области Греции, в которых они еще не бывали. Они путешествовали повсюду и посетили все достойные обозрения места, но, кажется, словно не замечали того, что видели. Они были наслышаны о разбойниках, но мало-помалу стали забывать о предупреждениях, считая, что это выдумки проводников, которые толками о мнимых опасностях желают побудить путешественников к большей щедрости. Итак, пренебрегши советами местных жителей, они отправились в путь с немногими сопровождающими, которые служили скорее проводниками, чем охраной. Достигнув узкого ущелья, по дну которого, усеянному огромными валунами, сорвавшимися со склонов, бежал ручей, путешественники вынуждены были раскатыться в своем легкомыслии, ибо, едва вся партия проникла в ущелье, над их головами засвистели пули и эхо выстрелов раскатилось меж каменных стен. Проводники тут же отбежали назад и, спрятавшись за камнями, открыли огонь в том направлении, откуда раздались выстрелы. Лорд Рутвен и Обри, последовав примеру провожатых, укрылись за спасительным изгибом ущелья; но затем, устыдившись того, что отступили перед противником, который криками ликования возглашал о своем преимуществе, и, предвидя неизбежное кровопролитие в случае, если разбойники вскарабкаются на скалу и нападут с тыла, они решились броситься вперед и настичь врага. Едва лишь они оставили укрытие, лорд Рутвен был ранен в плечо и упал наземь. Обри поспешил к своему спутнику; не обращая внимания ни на перестрелку, ни на грозившую ему само-

му опасность, он вскоре с удивлением увидел вокруг лица разбойников; проводники, едва заметив, что лорд Рутвен ранен, тут же побросали оружие и сдались.

Пообещав разбойникам большое вознаграждение, Обри убедил их сопроводить своего раненого друга до ближайшей хижины; согласившись на выкуп, он был избавлен от их доуки: лишь у входа в хижину была выставлена охрана до тех пор, пока один из разбойников не вернулся с суммой, о которой распорядился Обри. Лорд Рутвен быстро слабел; через два дня началась гангрена, и смерть приближалась к нему скорыми шагами. Его внешность и поведение не изменились; казалось, он не замечает боли точно так же, как когда-то не замечал окружавшей его обстановки; но на исходе последнего вечера он стал испытывать очевидное беспокойство и остановил свой взор на Обри, который все это время ухаживал за ним с необычайным усердием.

— Помогите мне! Вы можете спасти меня — и даже более чем спасти; кончиной своей я обеспокоен так же мало, как мимолетностью этого дня. Но вы можете спасти мою честь, честь вашего друга!

— Как я могу это сделать? Скажите, я исполню все, что должно! — отозвался Обри.

— Я нуждаюсь в самой малости. Жизнь моя убывает, и я не могу объяснить всего. Но если вы скроете все, что знаете обо мне, честь моя будет спасена от позорной молвы; и если о моей смерти некоторое время не будут знать в Англии, тогда — тогда я спасен.

— О ней никто не узнает, — заверил Обри.

— Поклянитесь! — воскликнул умирающий, приподнимаясь на постели в порыве величайшего волнения. — Поклянитесь всем, что есть сокровенного

в вашей душе, всем, за что вы опасаетесь, что ровно один год и один день вы никому ничего не расскажете ни о моих преступлениях, ни о моей смерти — ни одному живому существу, ни при каких обстоятельствах, что бы ни случилось и что бы вы ни увидели.

Глаза лорда, казалось, готовы были вылезти из орбит.

— Клянусь! — сказал Обри. С хохотом лорд откинулся на подушку и испустил дух.

Обри удалился, чтобы отдохнуть, но сон бежал от него. Многие обстоятельства, сопутствовавшие его знакомству с этим человеком, неизвестно почему будоражили ум юноши; о данной им клятве он вспоминал с содроганием, как если бы она должна была навлечь на него некие ужасные последствия. Поднявшись рано утром, он уже собрался было вернуться в хижину, где оставил покойного, когда встретившийся ему разбойник сказал, что после ухода Обри он и его товарищи, исполняя обещание, данное его светлости, отнесли тело лорда на вершину ближайшей горы и оставили там в бледном сиянии восходящего месяца. Обри был потрясен; взяв с собой нескольких человек, решил он идти с ними и предать покойного земле. Но когда они поднялись на вершину, он не обнаружил ни тела, ни одежды, хотя разбойники клялись, что это та самая гора, где они оставили умершего. Некоторое время Обри терялся в догадках, но в конце концов заключил, что разбойники похитили и тайно погребли покойного, дабы присвоить его платье.

Не в силах задерживаться долее в стране, где он пережил столько злоключений и где душу его охватывало суеверное уныние, Обри переехал в Смирну. В ожидании судна, на котором можно было бы от-

плыть в Отранто или Неаполь, он занялся приведением в порядок вещей, доставшихся ему после кончины лорда. Среди них он обнаружил небольшой сундук, где хранилось оружие, годное, чтобы насмерть поразить жертву. Это были кинжалы и ятаганы. Осторожно поворачивая их и рассматривая диковинные очертания, Обри с удивлением обнаружил ножны, орнамент на которых был точь-в-точь как на рукоятке кинжала, подобранного им в ту роковую ночь в лесной хижине. Он вздрогнул. Спеша удостовериться в своей правоте, он достал оружие, и можно вообразить себе его ужас, когда он заметил, что клинок в точности повторяет причудливую линию ножен. Взор его, прикованный к кинжалу, не нуждался в дальнейших подтверждениях; и все же Обри не желал верить своим глазам. Однако совпадение очертаний ножен и клинка и одинаковый орнамент на ножнах и рукоятке кинжала служили неопровержимыми доказательствами, не оставлявшими места сомнениям; и тут и там виднелись следы крови.

Обри покинул Смирну. Проезжая по пути домой через Рим, он первым делом попытался разузнать что-либо о юной девушке, которую ему удалось похитить из силков развратника. Ему сообщили, что родителей ее постигло несчастье и они впали в нищету, а о девушке со времени отъезда его светлости никто ничего не слышал. У Обри едва ум не помутился от столь часто повторявшихся ужасных событий; он опасался, что юная леди стала жертвой того, кто погубил Ианфу. Обри сделался мрачен и молчалив и был занят лишь тем, что торопил возникших, дабы из-за промедления не утратить еще одно дорогое существо. Он прибыл в Кале; бриз, словно повинувшись его воле, скоро доставил корабль к берегам Англии. Обри поспешил ступить под кров отчего дома и там,

в нежных объятиях своей сестры, как будто позабыл о печальных переживаниях. Если прежде он был привязан к ней как к милому ребенку, то теперь в ее проступавшей женственности он обрел удовольствие дружбы.

Мисс Обри не обладала той чарующей красотой, что приковывает взоры и вызывает восхищение в великосветских гостиных. Ей не был присущ тот поверхностный блеск, который так часто можно встретить в переполненных разгоряченными толпами бальных залах. Легкомыслие никогда не сквозило в ее голубых глазах; в них читалась очаровательная меланхолия, происходившая, казалось, не из несчастья, а из некоего сокровенного чувства, испытываемого душой, которой ведомы иные, более светлые обитатели. Ее поступь не отличалась той легкостью, с которой девушки преследуют бабочку или устремляются к пестрому цветку, но соответствовала ее всегда спокойному, задумчивому настроению. Когда она бывала одна, ее лицо никогда не озарялось улыбкой радости; но, когда брат одаривал ее любовью и забывал в ее обществе о горестях, разрушивших его покой, — кто мог бы променять ее улыбку на улыбку распутницы? Казалось, ее глаза и лицо в такие мгновения озарял свет ее собственной духовной родины. Мисс Обри было около восемнадцати. Ее еще не представили свету: опекуны дожидались возвращения с континента брата, который мог бы оказывать ей покровительство. Решили, что в ближайший же официальный прием при дворе девушка вступит в «этот суетный мир». Обри, конечно, предпочел бы оставаться в своем родном гнезде, предаваясь унынию. Он не испытывал теперь интереса к легкомысленным удовольствиям модных чудаков, так как его ум терзали события прошлого. Тем не менее он согласился пожертвовать собствен-

ным покоем ради заботы о сестре. Вскоре они приехали в город и занялись приготовлениями к предстоявшему торжеству.

В залах было многолюдно: собраний не устраивалось давно, и всякий, чье сердце жаждало королевской улыбки, торопился поспеть сюда. Обри приехал вместе с сестрой. Он стоял в стороне, безразличный ко всему вокруг, и вспоминал, что именно здесь он впервые встретился с лордом Рутвенем. Вдруг кто-то крепко сжал ему руку и знакомый голос произнес: «Помните о своей клятве!» Обри едва нашел в себе силы обернуться, ожидая увидеть восставший из могилы грозный призрак. Неподалеку от него во плоти стоял его прежний спутник. Обри чуть не лишился чувств и был вынужден опереться на руку стоявшего с ним рядом знакомого. Пробравшись сквозь толпу к выходу, он бросился к своей карете и направился домой. Торопливыми шагами ходил он по комнате, стиснув голову руками, словно боялся, что одолевавшие его мысли могут вырваться наружу. Лорд Рутвен снова здесь — события стали принимать ужасный оборот — кинжал — данная лорду клятва... Обри сердился на самого себя, он не верил собственным глазам — возможно ли, чтобы мертвец восстал?! Не воображение ли вызвало призрак человека, о котором он постоянно размышлял? Не может быть, чтобы это случилось наяву. Обри решил не избегать общества. Он хотел было навести справки о лорде Рутвене, но само это имя замирало у него на устах, и ему не удалось собрать никаких сведений. Несколько дней спустя он повез сестру на прием, который устраивала их близкая родственница. Оставив мисс Обри под покровительством почтенной матроны, он уединился в соседней комнате и всецело отдался своим мучительным думам. Наконец, заметив, что общество начинает

расходиться, он встряхнулся, воротился в залу и нашел сестру окруженной тесным кольцом беседующих. Пытаясь пробиться к ней, он попросил одного джентльмена уступить дорогу. Тот обернулся — и Обри узнал ненавистные ему черты. Ринувшись вперед, Обри схватил сестру за руку и поспешно вывел на улицу. У входа в ожидании господ теснились слуги. Минуя их толпу, он снова услышал, как знакомый голос шепнул ему: «Помните о своей клятве!» Обри, не осмеливаясь оглянуться, поторопил сестру, и вскоре они оказались дома.

Обри был близок к помешательству. Он и раньше только и думал что о лорде Рутвене, теперь же мысли о воскресшем чудовище целиком поглотили его рассудок. Сестре он почти перестал уделять внимание; напрасно девушка пыталась выяснить у брата, в чем причина его странного поведения. К ее ужасу, Обри бормотал в ответ что-то невнятное. Чем больше он размышлял, тем больше путались его мысли. Данная им клятва ужасала его: может ли он позволить мертвецу бродить по свету и нести погибель близким его сердцу, не пытаясь пресечь его путь? Даже его сестра могла стать жертвой призрака! Но если он нарушит клятву и выскажет свои подозрения — кто поверит ему? Он мог бы своей рукой освободить мир от этого изверга, но тот явно глумился над смертью. Целыми днями Обри просиживал в своей комнате, не видясь ни с кем, кроме сестры. Она приносила ему пищу и со слезами на глазах умоляла хотя бы ради нее поддержать свои силы. Наконец, не вынеся неподвижности и одиночества, он покинул дом и отправился бродить по улицам, чтобы избавиться от преследовавшего его призрака. Заботы о внешности были оставлены; юноша сделался неузнаваем и слонялся по городу, не боясь ни полуденного зноя, ни вечерней сыро-

сти. Поначалу он возвращался домой с наступлением сумерек, но потом стал ночевать там, где его одолевала усталость. Сестра, заботясь о его безопасности,ставляла слуг следить за ним, но он ускользал от преследователей быстрее, чем иной — от мысли. Вскоре, однако, его намерения переменялись. Тревожась за неосведомленных об опасности друзей и знакомых, которым в его отсутствие угрожала гибель от демона, он решил вернуться в общество, наблюдать за своим врагом и, презрев клятву, предупреждать всех, с кем лорд Рутвен успел сойтись. Но когда он воротился домой, его дикий, испытующий взгляд был настолько поразителен, его внутренняя дрожь столь заметна, что обеспокоенная сестра принялась уговаривать его ради любви к ней не посещать общества, так пагубно на него повлиявшего. Уговоры оказались бесполезны, и тогда опекуны сочли необходимым вмешаться, полагая, что у их подопечного повредился рассудок и что самое время вновь приступить к обязанностям, некогда порученным им родителями Обри.

Желая оградить юношу от оскорблений и страданий, ежедневно испытываемых им на улицах, а также скрыть от сторонних взглядов признаки его вероятного безумия, они пригласили в дом врача, который должен был постоянно за ним наблюдать. Обри почти не замечал его присутствия. Ум его был занят одной-единственной ужасной мыслью. Наконец он стал вести себя так нелепо, что его заперли в комнате. Там он лежал целыми днями, безнадежно погруженный в тоску. Он выглядел истощенным, глаза его приобрели стеклянный блеск. Только в присутствии сестры он преображался, показывая, что не утратил окончательно памяти и способности любить. Когда она заходила к нему, он вскакивал, хватал ее за руки и, устремив на нее взгляд, повергавший ее в отчаяние, заклинал:

«Остерегайся его! Если ты все еще любишь меня — не подходи к нему!» Она пыталась узнать, кого же брат имеет в виду, но он только повторял: «О, верь мне, верь!» — и снова погружался в тоску, из которой даже она бессильна была его вывести. Так прошло много месяцев. Год почти истек, Обри сделался не таким рассеянным и мрачным, и опекуны начали замечать, что он по нескольку раз в день пересчитывает что-то на пальцах и при этом улыбается.

Условленный срок близился к концу. Как-то, в последний день года, в комнату больного вошел один из опекунов и, обращаясь к врачу, выразил сожаление о том, что юноша находится в столь прискорбном состоянии как раз накануне свадьбы мисс Обри. Молодой человек встревожился и спросил, за кого сестра выходит замуж. Собеседники, обрадовавшись, что к Обри возвращается разум, который, как они опасались, навсегда покинул его, назвали имя графа Марсдена. Обри остался доволен, так как подумал, будто речь идет о юном графе Марсдене, с которым он не раз встречался в свете и который был известен своими высокими достоинствами. К удивлению родных, он заявил, что хочет присутствовать на свадьбе сестры, и выразил желание немедленно ее видеть. Опекуны ничего не ответили, но через пять минут сестра уже была у него в комнате. Растроганный ее нежной улыбкой, Обри обнял сестру и расцеловал в обе щеки, мокрые от слез умиления, вызванных сознанием того, что брат вновь обретает способность любить. Он заговорил с ней, по обыкновению, с нежностью и благословил ее предстоящий союз с человеком столь выдающегося положения и достоинств. Внезапно, заметив медальон у нее на груди, он открыл его и увидел изображение чудовища, которое имело столь долгое влияние на его жизнь. В ярости он схватил портрет,

швырнул на пол и принялся топтать ногами. Девушка спросила, чем ему не по нраву ее будущий муж. Обри, вперив в нее безумный взор, схватил ее за руки и умолял дать обещание, что она никогда не станет женой этого монстра, ибо... Но он не мог продолжать — он как будто снова услышал голос, приказывавший ему хранить клятву. Обри с испугом оглянулся, думая, что рядом находится лорд Рутвен, но никого не увидел. Тем временем опекуны и врач, которые все слышали и решили, что у него вновь помутился рассудок, поспешно вошли в комнату и разлучили его с девушкой, убедив ее удалиться. Обри упал перед ними на колени и заклинал хотя бы на день отложить свадьбу. Те, воображая, что он безумен, всячески постарались успокоить его и удалились.

На следующий день после приема во дворце лорд Рутвен заезжал к Обри, однако он, как и все прочие, не был принят. Услышав о болезни Обри, лорд Рутвен тотчас понял, что он является тому причиной; когда же он узнал, что молодого человека считают безумным, то с трудом смог скрыть от собеседников свое радостное волнение. Он сделался частым гостем в доме бывшего спутника, прилежно расспрашивал мисс Обри о здоровье брата, выказывал свою привязанность к нему и тем снискал ее расположение. Кто смог бы противостоять его власти? Искусными и опасными речами он описал себя как человека, который ни в одной душе, населяющей этот мир, не находит сочувствия. Он заверял мисс Обри, что стал ценить жизнь лишь с тех пор, как встретил ее, что ему достаточно лишь слышать от нее слова утешения. Иначе говоря, владел ли он в совершенстве искусством змия, или такова была воля судьбы, только лорд Рутвен сумел завоевать привязанность девушки. Графский титул, неожиданно доставшийся ему, и сопут-

ствовавшее звание высокое дипломатическое назначение стали поводом к тому, чтобы ускорить свадьбу, несмотря на расстроенное здоровье брата мисс Обри. Брачные узы должны были связать ее и лорда Рутвена накануне его отбытия на континент.

Когда врач и опекуны ушли и оставили Обри одного, он попытался подкупить слуг, но безуспешно. Он попросил перо и бумагу, ему их подали. Несчастный написал письмо сестре, заклиная девушку ее собственным счастьем, честью и памятью покойных родителей, некогда видевших в ней утешение и надежду семейства, отложить хотя бы на несколько часов свадьбу, которую он осыпал самыми тяжкими проклятиями. Слуги обещали доставить письмо по назначению, однако передали письмо врачу, который не считал нужным тревожить мисс Обри бреднями маньяка.

Всю ночь в доме не спали. Обри с ужасом, который легче вообразить, чем описать, понимал, что идут приготовления к свадьбе. Наступило утро, и он услышал, как подъехали экипажи. Он был близок к неистовству. Наконец сторожившие Обри слуги, поддавшись любопытству, потихоньку ушли, и он остался на попечении одной беспомощной старухи. Воспользовавшись случаем, Обри бросился вон из комнаты и через несколько минут был уже в покоях, где собрались все. Первым его заметил лорд Рутвен. Вне себя от злобы, он подскочил к Обри и, схватив несчастного за руку, в безмолвной ярости выволок за дверь. У лестницы лорд шепнул ему: «Помните о клятве! И знайте: если свадьба расстроится, сестра ваша будет обесчещена. Женщины слишком слабы!» С этими словами он толкнул его навстречу сбежавшимся слугам: его уже искали, так как старуха подняла переполох. Обри был сломлен: гнев его, не найдя выхода, разорвал кровеносный сосуд; молодого человека

отнесли в его комнату и уложили на постель. Мисс Обри, которая не была свидетельницей его внезапного появления, ничего не сказали: врач боялся волновать ее. Брак был заключен, и молодые уехали из Лондона.

Слабость Обри возрастала; кровоизлияние вызвало симптомы, свидетельствовавшие о приближении смерти. Обри призвал опекунов сестры и, когда часы пробили полночь, во всех подробностях поведал им историю, уже известную читателю. Тотчас после этого он скончался.

Опекуны поторопились вослед мисс Обри, желая защитить ее, но было уже слишком поздно. Лорд Рутвен исчез; сестра Обри утолила жажду ВАМПИРА!

Эрнст Бенъямин Соломон
РАУПАХ

НЕ БУДИТЕ МЕРТВЕЦОВ

Сказка

Мертвецов не пробуждайте к жизни,
С ними воцарятся зло и тьма.
Их дыханье жутко, как чума,
Прежней, солнечной, земной отчизне.
Да пребудет их уделом прах,
Хлад могильный, склепа сон бессрочный.
Мертвецы да не отверзнут очи,
Не внушат живым смертельный страх.
Пусть покоятся во мраке ночи,
Позабыв о синих небесах.
Тщатся уничтожить все живое
Мертвецы, грозят увлечь с собою
Всякого, кто их нарушит сон:
Будет он на гибель обречен.

— Ты хочешь упокоиться навеки, возлюбленная моя? Никогда не пробуждаться более? Вкушать вечный покой после краткого паломничества на землю? О, возвратись! Верни в жизнь мою рассвет, сменившийся после ухода твоего хладными предутренними сумерками. Ты безмолвствуешь? Ты хочешь безмолвствовать вечно? Друг твой изнывает от тоски, а ты хранишь молчание? Друг твой проливает горячие слезы, а ты остаешься безучастной? Друг твой пребывает в отчаянии, а ты не заключишь его в объятия? Ах! Неужели саван к лицу тебе более, нежели расшитая золотом вуаль, что окутывала тебя при жизни?

СОДЕРЖАНИЕ

Джон Уильям Полидори. ВАМПИР <i>Перевод с английского С. Шик</i>	5
Эрнст Бенъямин Соломон Раупах НЕ БУДИТЕ МЕРТВЕЦОВ. Сказка <i>Перевод с немецкого В. Ахтырской</i>	31
Теофиль Готье. ЛЮБОВЬ МЕРТВОЙ КРАСАВИЦЫ <i>Перевод с французского Н. Лоховой</i>	71
Алексей Константинович Толстой. УПЫРЬ	110
Мэри Хелена Форчун. ОДЕРЖИМОСТЬ БЕЛИЗНОЙ Рассказ врача. <i>Перевод с английского С. Антонова</i>	195
Джозеф Шеридан Ле Фаню. КАРМИЛЛА <i>Перевод с английского Л. Бриловой</i>	224
Джеймс Хьюм Нисбет. ДЕВУШКА-ВАМПИР <i>Перевод с английского С. Антонова</i>	322
Фрэнсис Мэрион Кроуфорд. ИБО КРОВЬ ЕСТЬ ЖИЗНЬ <i>Перевод с английского С. Антонова</i>	331
Эдит Несбит. ДОМ С ПРИВИДЕНИЕМ <i>Перевод с английского С. Антонова</i>	353
Эдвард Фредерик Бенсон. МИССИС ЭМВОРТ <i>Перевод с английского С. Антонова</i>	373
Комментарии. С. А. Антонов	394